

Глава 17: Наказание.

Дни шли один за другим, и незаметно для себя Е Цин всё больше привыкала к жизни в этом месте.

Каждое утро начиналось с тренировок, а по вечерам она, окружённая очаровательными танцовщицами, весело болтала и дурачилась. Хотя позволить себе ничего большего она не могла, зато «есть тофу» (т.е. заигрывать и подшучивать) удавалось вволю.

В то же время под неусыпным надзором мамы Лю её повадки и движения становились всё более женственными. Постепенно её манеры сглаживались, походка становилась плавнее, жесты — изящнее. И вот однажды, сама не заметив когда, она поняла, что за весь день не получила ни одного удара плетью. А вскоре обнаружила, что мама Лю уже не следит за каждым её шагом.

Это означало, что она окончательно привыкла к новой роли, и больше не нуждалась в постоянном контроле.

Но впереди было ещё много того, чему предстояло научиться. Для танца требовалось наносить макияж. Конечно, здесь не было такого изобилия косметики, как в её прошлом мире, но умение обращаться с пудрой, румянами, подводить брови и укладывать волосы считалось обязательным.

В этом деле мама Лю неожиданно оставила её в покое, а обучать взялись Юй-эр и Де-эр. Они терпеливо показывали ей, как правильно наносить румяна, как заплетать волосы, какие виды причёсок бывают и как выбрать подходящий украшенный гребень.

Так, день за днём, она наряжалась, словно цветущая ветка, уходя на репетиции, и так же нарядной возвращалась обратно. Время шло, и прежде чем она успела осознать, пролетел уже целый месяц.

Обладая хорошей физической подготовкой, Е Цин быстро продвинулась в освоении техник танца. После месяца тренировок её тело стало более гибким, мышцы привыкли к нагрузке, а связки хорошо растянулись. И вот, наконец, она получила разрешение участвовать в постановке вместе с другими танцовщицами.

Сегодня предстояло её первое выступление на сцене. Неожиданно для себя она почувствовала странное возбуждение. Проснувшись рано утром, она быстро облачилась в костюм для выступления, а затем, напевая под нос мелодию, села перед зеркалом в комнате отдыха и начала приводить себя в порядок.

Её губы становились всё ярче, ресницы длиннее, а брови — тоньше и чётче очерченными. Она смотрела в зеркало, довольная своим отражением, когда вдруг... замерла.

На протяжении всего этого месяца она неустанно тренировалась, надеясь пробить заблокированные точки меридианов. Однако сколько бы она ни старалась, прогресса не было вовсе. Единственное, что изменилось, — её кожа становилась всё светлее. Теперь она уже не могла назвать её пшеничного оттенка, она стала заметно блее.

В остальном же она не особенно задумывалась о переменах. Каждый день начинался с утренних тренировок, вечерами она дополнительно занималась растяжкой, осваивала технику макияжа, а в свободное время веселилась с танцовщицами. Жизнь была насыщенной, наполненной новыми занятиями и общением.

И, возможно, именно поэтому она даже перестала задумываться о своём прежнем «я». Всё это время она воспринимала себя как мужчину, но сейчас, глядя в зеркало, вдруг осознала: что же она делает?

Раньше ей казалось, что она просто играет роль, вынужденную обстоятельствами. Но день за днём она училась ходить, есть, двигаться как женщина, оттачивала гибкость тела и даже, не задумываясь, наносила макияж и заплетала сложные причёски.

Как же так получилось?

Сколько же времени прошло?

Неужели она действительно всё забыла?

Её пальцы непроизвольно сжались в кулак. Однако в этот момент раздался голос Юй-эр:

– Младшая сестрёнка Цин! Ты готова? Время уже на исходе!

Этот голос прозвучал, как острая игла, проколовшая воздушный шар. Всё напряжение разом спало.

Ну и ладно.

Когда-то у неё не было выбора, она просто приспосабливалась к обстоятельствам. Со временем, помимо желания уйти отсюда, всё остальное потеряло свою важность. Она больше не сопротивлялась, не боролась, а просто жила.

И теперь, если нет возможности покинуть это место, какая польза в сопротивлении? Разве оно не приведёт лишь к новым побоям?

Ключ ко всему по-прежнему заключался в том, чтобы прорвать несколько запечатанных точек на теле. Но разве это так просто?

Оставалось лишь идти вперёд шаг за шагом, не спеша, и оставить это на потом.

На самом деле этот план всегда был у неё в голове, просто за время, проведённое здесь, она почти забыла о нём. И только сегодня, когда вдруг увидела своё отражение в бронзовом зеркале, это осознание вновь вспыхнуло в её разуме.

Однако после этого внезапного прозрения её внутреннее возбуждение улеглось. Радость и волнение от того, что сегодня она впервые выйдет на сцену вместе с танцовщицами, неожиданно угасли.

– Цин, ты скоро? – раздался снаружи голос Юй-эр, торопливо подгоняющий её.

Е Цин быстро схватила кисточку с углём и лёгкими движениями подвела брови, сделав их ещё тоньше и изящнее, словно ивовые ветви. Затем поспешно встала и выбежала за дверь.

Когда она добралась до зала, все танцовщицы уже собрались. Е Цин успела как раз к установленному времени. Поздоровавшись вместе с Юй-эр с мамой Лю, она увидела, как та кивнула Юй-эр, позволяя ей занять место в строю. А сама Е Цин осталась стоять перед ней.

Мама Лю держала в руках свою неизменную тонкую плетёную трость. Уже давно она не касалась ею Е Цин, но сейчас неторопливо ходила вокруг неё, время от времени негромко хлопая тростью по собственной ладони.

– Цин, сегодня твой первый выход на сцену вместе с сёстрами. Я не стану слишком строга к тебе, – сказала она, прищурившись. – Главное, чтобы ты не совершала крупных ошибок.

Она сделала паузу, оценивающе оглядев девушку, и добавила:

– Отработай несколько дней. Когда я увижу, что ты достаточно натренировалась, тогда, возможно, позволю тебе выступать по-настоящему.

– Да, – ответила Е Цин, почтительно присев в реверансе, после чего встала в ряды танцовщиц.

Мама Лю обвела всех взглядом, убедилась, что подготовка завершена, и коротко скомандовала:

– Хорошо. Начинаем.

Так называемая сцена представляла собой всего лишь круглую платформу высотой около

полуметра, установленную в центре зала. Танцуя на ней, можно было быть уверенной, что все зрители в зале и даже на верхних этажах смогут хорошо видеть каждое движение.

Обычно во время тренировок танцы исполнялись без музыкального сопровождения. Но сегодня, поскольку это был первый выход Е Цин на сцену, специально пригласили оркестр для аккомпанемента.

В составе музыкантов были и мужчины, и женщины. Мужчины в основном играли на ударных инструментах — бронзовых гонгах, барабанах, а также на духовых, таких как шэн и флейты. Женщина была только одна — она играла на гу-чжэне.

(Шэн (笙) — древний китайский духовой инструмент, звучащий похоже на орган. Гу-чжэн (箏) — традиционный щипковый инструмент, напоминающий цитру.)

Как только мама Лю дала команду начинать, зал наполнился звуками музыки. Инструменты сливались воедино, создавая гармоничный ритм. Конечно, без современных аудиосистем эффект был не таким мощным, но звучало это всё равно прекрасно.

Е Цин за этот месяц тренировалась лишь в растяжке и гибкости, но не учила сами танцы. Однако она каждый день без исключения наблюдала за выступлениями, внимательно следя за движениями танцовщиц, и к настоящему моменту уже успела запомнить их практически наизусть. Именно поэтому мама Лю позволила ей выйти на сцену: ей было важно, чтобы заученные зрительно движения теперь обрели реальный опыт.

Но, как говорится, «глядеть легко, делать трудно». Хотя в танце не было слишком сложных элементов, такие движения, как вращения, глубокие приседания или изящные взмахи рукавами, требовали не только наблюдения, но и практики.

И уже через несколько минут Е Цин начала сбиваться. То она опережала ритм, то запаздывала, движения становились неуверенными, а вскоре и вовсе начали сбивать общий строй. Из-за неё отлаженный танец стал выглядеть хаотичным.

Если так продолжится дальше, наказание было неминуемо. Танцовщицы прекрасно это понимали и в глубине души начинали тревожиться за неё. Но помочь никак не могли: если бы они подстроились под её темп, то наказание ждало бы уже всех. А это была бы пустая жертва.

Танец закончился в явном беспорядке. Как только музыка стихла, мама Лю улыбнулась. Но в глазах Е Цин эта улыбка показалась вовсе не доброй — скорее зловещей, словно за ней скрывался недобрый умысел.

Впрочем, если подумать.... В самом начале, в первые семь-восемь дней, мама Лю порола её с нескрываемым удовольствием. Но потом, когда Е Цин начала быстро прогрессировать, удары плети становились всё реже и реже, и вот уже месяц, как её совсем не били.

Пожалуй, руки у мамы Лю уже зачесались, не так ли?

– Цин, подойди-ка! – с той же улыбкой сказала она.

Под взглядами окружающих танцовщиц, в которых читалась тревога, и под пристальными, порой непонятными взглядами музыкантов, Е Цин сжала губы и нехотя подошла ближе.

– Мама Лю, – оказавшись перед ней, она опустила голову в знак уважения.

– Я уже говорила заранее, что не буду слишком строга к тебе. Если бы ты допустила лишь незначительные ошибки, я бы их не заметила, – неторопливо проговорила мама Лю, постукивая тонкой плетью по своей ладони и медленно обходя Е Цин кругами.

– Но посмотри, что ты только что исполнила! – в её голосе зазвучало раздражение. – Ты ведь месяц наблюдала за танцем, ты занималась растяжкой, развивала гибкость! А в итоге не только не справилась, но и сбила всю постановку! Скажи мне, должна ли я тебя наказать?

Е Цин опустила взгляд. Она понимала, что избежать наказания не удастся. Но больше всего раздражало то, что мама Лю не просто собиралась её наказать — она хотела, чтобы она сама признала свою вину и попросила наказания. Это было особенно неприятно.

Но что она могла сделать? Сопротивляться бессмысленно.

– Прошу маму Лю назначить мне наказание, – ровным голосом ответила она.

– Вот так-то лучше! – кивнула женщина. – На колени.

С непроницаемым выражением лица Е Цин слегка приподняла подол юбки и опустилась на колени.

– Ложись.

Она сжала зубы и послушно склонилась вперёд, упираясь ладонями в пол.

Для девушки это было унижительно. Хорошо ещё, что в зале почти не было мужчин — лишь несколько музыкантов из оркестра. И всё же, увидев, как она послушно выполняет приказ, их взгляды невольно зацепились за неё.

Некоторые танцовщицы отвернулись, не в силах смотреть. Но вовсе не потому, что видели в этом что-то постыдное — они просто знали, что будет дальше, и не хотели на это смотреть.

Все они проходили через это.

Конечно, мама Лю сразу все поняла.

Но ей этого и нужно было — позор.

Пусть здесь и не так много мужчин, но даже нескольких достаточно, чтобы унижить Е Цин.

В душе старуха злорадно хихикала, а на лице сияла довольная улыбка.

И вот, когда Е Цин, склонившись, вытянулась вперед, приподняв бедра, тонкая плеть со свистом опустилась вниз.

– Ах!

Она так давно не получала ударов, что почти забыла, какая это боль.

Но вот сегодня у нее появилась возможность освежить память.

Горячая вспышка боли обожгла кожу, и, не успев сдержаться, Е Цин вскрикнула.

Ее голос был звонким и чистым, как пение жаворонка.

Этот тембр — одно из тех незаметных изменений, что произошли с ней за последнее время.

Она сама этого не осознавала.

Танцовщицы, проводившие с ней дни и ночи, тоже как-то не обращали внимания.

Но сегодня, услышав этот вскрик, все они вдруг удивились:

С каких это пор у нее такой красивый голос?

Особенно явным это стало именно в кратком вскрике — он звучал совсем иначе, чем ее обычная речь, и отчетливо подчеркивал чистоту тембра.

Но, заметив это, девушки не стали заострять внимание.

Им было не до того.

Они с тревогой смотрели, как мама Лю раз за разом опускает плеть.

А Е Цин...

После первого вскрика она замолчала.

Стиснув зубы, терпела, ощущая, как с каждым ударом кожа на бедрах становится горячей, будто покрывается огнем.

Это не было обычным наказанием за ошибку.

Нет.

Это была порка.

А значит, сила ударов была намного жестче.

Но даже мама Лю знала меру.

Как-никак, Е Цин еще должна была сегодня тренироваться.

Если перестараться, если отправить ее в постель, толку не будет.

Поэтому после двадцати ударов она, наконец, остановилась.

Перевела дух, чуть приподняв руку с плетью.

Впрочем, она и сама чувствовала себя измотанной.

То ли потому, что за целый месяц у нее, наконец, появилась возможность размахнуться всласть, то ли потому, что приложила слишком много сил и теперь банально устала.

Отдышавшись, мама Лю, наконец, спрятала плеть и холодно сказала:

– Вставай!

Говоря это, она не сводила взгляда с приподнятых бедер Е Цин.

Эта девчонка — просто сокровище.

Такая фигура...

Одни только бедра — мечта любого мужчины!

Жаль только, что грудь у нее маловата.

Была бы чуть пышнее — цены бы ей не было.

Е Цин, сжав зубы, поднялась, прижимая ладонью горящее от боли место.

В груди сдавило от унижения, но она лишь шумно втянула воздух и, преодолевая себя, опустилась в поклоне.

– Спасибо, мама Лю, за наказание!

Мама Лю довольно кивнула.

Покорность — вот к чему она стремилась, и, похоже, ее усилия не пропали даром.

– Ладно, все свободны. Отдыхайте!

Сказав это, она повернулась и, сопровождаемая двумя служанками, удалилась.

Танцовщицы тут же бросились к Е Цин.

Юй-эр и Де-эр подхватили ее под руки и повели в комнату, а остальные тут же разошлись выполнять поручения.

Кто-то поспешил за горячей водой.

Кто-то отправился за мазью для заживления ран.

Кто-то раскрыл ящики в поисках чистых повязок.

Ведь, как только Е Цин вернется, нужно будет сразу очистить раны и нанести лекарство.

Как бы ни старалась мама Лю, она всегда держала меру.

Да, после наказания Е Цин было больно двигаться.

Да, она не сможет сидеть ближайшие пару дней.

Но до того, чтобы свалиться в постель, дело не дойдет.

Впрочем, раз уж Юй-эр и Де-эр предложили ей свою помощь, отказываться не имело смысла.

Что плохого в том, чтобы насладиться заботой красивых девушек?

Хоть какое-то утешение после пережитого.

Как только они вернулись в комнату, Е Цин сбросила с себя танцевальное платье, оставшись в одном дудоу и самодельном бюстгальтере.

Но поскольку все удары пришлись по бедрам, ей пришлось приспустить и нижнее белье.

На коже отчетливо проступали алые следы плети.

– Как же жестоко...

– Да.... Даже кровь пошла! Смотри, белье совсем красное...

– Похоже, мама Лю тебя терпеть не может, Цин-эр...

– Все из-за старой истории!

– Вот ведь злопамятная ведьма!

Танцовщицы собрались вокруг, наблюдая, как Юй-эр и Де-эр осторожно промывают раны на ягодицах Е Цин горячими компрессами.

Шепоток не утихал.

– Ну, разве это не мелочь?

– Тише вы! – Де-эр, не поднимая глаз, аккуратно разминала мазь, чтобы она стала мягче. – Если кто-то подслушает, нам всем не поздоровится!

После этих слов девушки мгновенно смолкли.

В комнате воцарилась тишина.

<http://bllate.org/book/16041/1431358>